

Кашенко Петр Петрович

**Суд в Московском
государстве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Петрович К.**
Суд в Московском государстве / Кащенко Петр Петрович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 65 с.

ISBN 978-5-519-88765-6

ISBN 978-5-519-88765-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ РЕДАКЦИИ.

И Суд в Московском государстве в его своеобразных формах следствия, тяжбы, судоговоренья и наказаний представляет любопытную страничку русской истории с ее культурно-бытовой стороны. Автор использовал по длинны дела уголовно и гражданско характера (два дела XVI и два XVII вв.), привлек сюда же народную пародию на Московский суд (повесть о «Шемякином суде» и «Как был суд у Лещи с Ершом»), и все это попытался растворить в бытовой обстановке эпохи, сознательно удерживая язык тогдашней судебной практики, поскольку это позволял общедоступный характер брошюры.

СУД У НАМЕСТНИКА.

Небольшой северный городок Тотма из одной улицы и узеньких, расходящихся от нее по обе стороны переулков. По улице были разбросаны в беспорядке по холмам и уступам дома, то сильно выступая вперед, то далеко уходя назад. Большие двухэтажные или одноэтажные дома скорее можно было назвать избами. Окон в них прорезалось немного: по два, по три, большею частью паверху, подскель же была темная и служила кладовой или хлевом, а на обширном чердаке, под высокой крышей устраивался сеновал. Окна затягивались бычьим пузырем, в редких, очень редких случаях слюдой. Крыши домов шли острыми углами вверх. На них виднелись невысокие глиняные трубы и кое-где вышки и чердаки. Дралка, которой крылись крыпи, почернела, местами даже позеленела, и только на некоторых повых домах ярко блестела свежим надрезом дерева. Из домов одни прямо выходили на улицу, другие же были окружены плетнем или забором с крытыми воротами. За такими заборами можно было разглядеть массу крыш различной высоты, различной формы и из разного материала: то были крыши горниц, свете-

лок, избышек, клетей и других служб двора какого-нибудь служилого человека или зажиточного посадского человека. Почти за каждым домом шли сады с деревьями, с яблонями, рябинами, черемухой, и огороды, иногда занимающие очень большие участки. Тут же рядом с такими домами лепились курные избушки—небольшой сруб, закоптелый, низенький, почти вросший в землю, с дерновой или из коры крыши и с дырами, вместо окон, для выхода дыма. Эти дыры, когда внутри не топилося, затыкались тряпичей.

Улица, уклоняясь то вправо, то влево, приходила к довольно большой площади. На площади стояли: церковь, наместничья изба и его двор.

Церковка—маленькое квадратное строение с высокой остроконечной крышей—была построена из дерева и крыта дранкой. От других домов, по своему внешнему виду, она отличалась только прорезной башенькой-колокольней, стоявшей рядом с ней, да невысоким чешуйчатым из деревянных крестиков куполом, в форме луковицы с крестом, обитым жестию, укрепленным на полумесяце—знак торжества креста над магометанскою луной.

Неподалеку от церкви, наискосок, через площадь—одноэтажная, просторная, разделенная на две половины крытыми сенями, съезжая изба. Рядом с ней за высоким тыном двор наместника. К тыну тесно примыкали несколько амбаров с государевым добром.

На площади, а был только шестой час в начале, толпился народ. Отовсюду с окрестностей, из города и из посадов, понашли и понаехали крестьяне и по-

садские: иные попродавать беличьи, лисьи, собольи, волчьи и другие меха, птицу, скот, воск, — иные купить, чего не хватает дома — топоров, кос, ножей, сбруи, седел деревянных чашек, мисок, соли, наконец, иные просто погулять, посмотреть скоморохов, повеселиться. Всех слоев и всякого достатка люди наполняли площадь. Мужчины в острокопечных шапках из меха — колпаках; в длинных до полу кафтанах, с висящими широкими рукавами или просто в легких из пестрядины зипунах. Одни из них в лаптях, другие в подвязанных ремнями кожаных подошвах, иные, более зажиточные, в разноцветных и часто расшитых сапогах. Кафтаны не были застегнуты, а только опоясаны широкими из тафты *) или из крапешины поясами; из-под кафтанов виднелись цветные, большей частью красные рубашки. Женщины и девушки в цветных киках-шалках с высоким передом или в платках поверх поддубрусника, или в венцах, расшитых и украшенных блестками. Поверх летников из пестрядины с вышитым подолом на них были красные, синие, желтые телогреи с очень широкими и длинными рукавами.

Гул, гам, хохот стояли на площади неумолчно. Изредка этот гам и шум покрывали пронзительные и резкие звуки труб, тромбонов, дудок, сопелок и барабанов. То была «удивительная музыка скоморохов, которую очень любили русские люди в то время» и которая приводила в ужас иностранцев. Послед-

*) Шелковая ткань.

ние сравнивали ее с «собачьим воєм» и говорили, что их берет сторопъ, когда они ее слышат. Скоморохи плясали, распевали песни и показывали различные штуки с ученым медведем. Около них всегда народ, около них всегда всего шумнее.

Шумно и у кабака. Изнутри, через открытые двери и окна, слышались крики и ругань. Снаружи, у крыльца сгрудилась густая толпа. Внимание этой толпы привлекал стоявший в середине ее человек, небольшого роста, с длинными космами волос, с седоватой бородкой. Одѣтъ этот человек был в плохой обдерганный кафтанничко, обут в лапти-жорявые, на голове имел шапку меховую, не менее послужившую, чем кафтанничка. Через плечо у него была перекинута котомка. На груди впереди повешаны разные картинки, на лубке и на липовых досочках. Было тут и изображение трех пьяниц, пропивших деньги, с правоучительной подписью под ним: «Плач без надежды, грусть без отрады, печаль без утѣхи». Был «Страшный суд» с грешниками в страшных мучениях, с адским пламенем, стремящимся ввысь, со змеем от ада до неба и с апостолом Петром, отверзающим Врата Райския. Были, наконец, и «Четыре волци последние» с подписью: «Сим молитву деет, Хам пшеницу сеет, Афет власть имеет, Смерть всем владеет».

В руках у продавца было несколько свитков. Сам же он ходуном ходил. Все подплясывал и направо и налево прибаутки отпускал: «Я-де поп Савва, да немадая про меня слава, аз валу братию в попы

ставлю, что и рубашки не оставлю. У меня - де за рекой стойте, а в церкви хотя и не пойте».

Человек этот был безместный по Ивану, сначала выбранный в помы на Устюге, а потом за пьянство и дебоширство прогнанный. Припьюсь ему себе пропитание торговлей добывать, потому что не всегда можно было напихидками да молебнами пробавляться по заказу добрых людей, на перекрестке или на могилке, тайком от приходского попа.

Толпа потешалась над ним, он же еще пуще расхотелся, и, развернув один свиток, попросил послушать его. Он - де хочет им правоучительное сказание прочесть, а потом, кто захочет, может купить его за две деньги. Сказка эта псалына идет и зовется: «Челобитная Леща с товарищи на Ерша».

Толпа приумолкла, и попл начал читать. Он читал немного цараснев, высоким тенорком.

„Список с судного дела слово в слово, как был суд у Леща с Ершом“.

«Рыбам господам: великому Осетру и Белуге, Белой рыбице, бьет челом Ростовского озера сынчишко боярский Лещ с товарищи. Жалоба, госнода, вам на злого человека на Ерша Щетинника и на лбедника. В прошлых, госнода, годах было Ростовское озеро за нами, а тот Ерш, злой человек, Щетинников наследник, лишил нас Ростовского озера, наших старых житов (хотомистр житья), расплодился тот Ерш по рекам ~~и по озерам~~. Он собою мал, а щетины у него,

али лютые рогатины, и он свидится с нами на стапу—и теми острыми своими щетинами подкалывает наши бока и прокалывает нам ребра, и суется по рекам и по озерам, аки бешенная собака, путь свой потеряв. А мы, господа, христиански лукавством жить не умеем, а браться и тягаться с дѣхлыми людьми не хотим, а хотим быть оборонены вами, праведными судьями».

Судьи спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, истцу, Лещу, отвечаешь ли»? Ответчик Ерш рече: «Отвечаю, господа, за себя и за товарищей своих в том, что то Ростовское озеро была старина дедов наших и ныне наше, и он, Лещ, жил у нас в соседстве на дне озера, а из свет не выхаживал. А я, господа, Ерш, Божей милостью, отца своего благословением и матерними молитвами не смутщик, не вор, не тать и не разбойник, в приводе не бывал, воровского у меня ничего не выпытывали, человек я добрый, живу я своей силой, а не чужой, знают меня в Москве и в иных городех князи и бояре, стольники и дворяне, жильцы московские, дьяки и подъячие и всяких чинов люди и покупают меня дорогой ценой и варят меня с перцем, шафраном и ставят перед собою честно, и многие добрые люди с похмелья и кушавши поздравляют».

Судьи спрашивали истца Леща: «Ты, Лещ, чем его уличаешь»? Истец Лещ рече: «Уличаю его Божию правдой да вами, праведные судьи». Судьи спрашивали истца Леща: «Кому у тебя ведомо про Ростовское озеро и о реках и о восточах (истоках) и на

кого шлешься? Истец Лещ рече: «Шлюсь я, господа, из виноватых (ведящих о деле) на добрых людей разных городов и областей: есть человек добрый, живет в немецкие области под Ивановым городом в реке Нарве, по имени рыба Сиг, а другой, господа, человек добрый живет в Новгородской области в реке Волхове по имени рыба Лодуга». Спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, шлешься ли на Лещеву правду, на таковых людей?». И ответчик Ерш рече: «Слатися, господа, нам на таковых людей неуметь: Сиг и Лодуга люди богатые, животами прожиточные, имуществом состоятельные, а Лещ такой же человек заводной, шлется в послушество» (свидетельство).

И судьи спрашивали ответчика Ерша: «Почему у тебя такие люди не друзья, и такая у тебя с ними недружба»? Ответчик Ерш рече: «Господа мои судьи! недружбы у нас с ними никакой не было, а слатися на них не смеем для того, что Сиг и Лодуга—люди великие, а Лещ такой же человек заводной, они хотят нас малоимочных людей испродать (разорить тяжбой) напрасно».

Судьи спрашивали истца Леща: «Еще кому ведомо про Ростовское озеро и о реках и о востоках, на кого шлешься? Истец Лещ рече: «Шлюсь я, господа, из виноватых, есть человек добрый, живет в Переяславском озере, рыба Сельдь».

Судьи спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, шлешься ли на Лещеву правду? Ответчик Ерш рече: «Сиг и Лодуга и Сельдь с племен (сродни), а Лещ

такой же человек заводной: в соседстве имаются, где судятся и пьют вместе, про нас не молвят»...

И судьи послали пристава Окуня и велели взять с собою понятых Мня (рыба Иалим), приказали взять в правде переяславскую Сельдь. Пристав же Окунь емлет в понятых Мня, и Мешь Окуню судит посулы великие и рече: «Господине Окуне, аз не гожеуси в понятых быти: брюхо у меня велико—ходить не могу, а се глаза малы—далеко не вижу, а се губы толсты—перед добрыми людьми говорить не умею». Пристав же емлет в понятых Головля и Яял. И Окунь поставил в правде переяславскую Сельдь.

И судьи спрашивали в правде у переяславской Сельди: «Сельдь, скажи нам про Леца и про Ерпа и промеж ими про Ростовское озеро». Сельдь же рече в правде: «Леца с товарищи знаю: Лец добрый человек, христианин Божий, живёт своею, а не лужою (силою), а Ерип, господа, злой человек Щетинник»...

Кольцо слушателей становилось все толще и теснее. Оно уже сдавило попа, тому пришлось несколько раз прикрикнуть на слушателей, чтобы раздвинулись, не то сказывать бросит. Толпа отстранилась, и поп продолжал читать, объяснив наперед, что середина сказки потеряна, и суд приходит к концу:

«Судьи спрашивали Осетра: «Знаешь ли его, Ерпа»? Осетр рече: «Аз, господа, не в правде (не ради суда), и не в послушестве, а впрямь скажу: слышал про того Ерпа, что варят его в ухе, а столько не едят, сколько расплюют. Да еще, господа, вам скажу